

ПІЩИ НЕ В СТОЛІ

mE└rUm

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА

Пиши не в стол

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-1
ББК 84
ПЗ6

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Пиши не в стол. – [б. м.] : Издательские решения, 2020. – 74 с.
ПЗ6 ISBN 978-5-0053-0327-1

В него вошли поэтические и прозаические произведения начинающих авторов СКФО.

Но, несмотря на то, что авторы начинающие, представленные стихи и рассказы достойны читательского внимания и, несомненно, вас заинтересуют!

Стихи о любви, философские стихи, пейзажная лирика, мистические и фантастические рассказы, рассказы о любви и не только...

Желаем приятного чтения!

УДК 82-1
ББК 84

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0053-0327-1

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
**ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

Только о великом стоит думать, только большие задачи должен ставить себе писатель; ставить смело, не смущаясь своими личными малыми силами.

Александр Александрович Блок

Я считаю, что самые интересные результаты достигаются там и тогда, где и когда люди не стремятся создать произведение искусства, а просто делают своё дело, то есть работают, как хорошие ремесленники.

Дуглас Адамс

О СБОРНИКЕ

Перед вами уникальный литературный сборник стихотворений и рассказов – финальная «вишенка на торте» проекта «Пиши не в стол: школа литературного наставничества для начинающих писателей СКФО», реализованного Центром культуры и творчества «Мэтр» (г. Черкесск) при поддержке Фонда президентских грантов.

В сборник вошли лучшие произведения участников проекта, сумевших пройти в очный этап, проведённый в Домбае. Сборник был представлен на обсуждение форуму молодых писателей Северного Кавказа и получил высокую оценку, как участников форума, так и почётных гостей: народного писателя КЧР – Исы Суюновича Капаева, а также секретаря Союза писателей РФ, поэта и прозаика – Круглова Романа Геннадьевича. Участники и гости форума отметили высокий творческий потенциал и профессионализм участников проекта.

В сборник вошли произведения двадцати четырёх авторов – финалистов проекта и членов Центра культуры и творчества «Мэтр». География поэтов и писателей, представивших свои регионы, оказалась весьма широкой: Карачаево-Черкесская Республика, Дагестан, Кабардино-Балкария, Чеченская Республика, Ставропольский край, Казахстан. Для многих авторов, сборник стал уникальной возможностью заявить о себе, познакомить читателя со своим творчеством. В сборнике собрано три десятка стихотворений разной тематики: пейзажная и любовная лирика, философские стихи. Кроме стихотворений, в сборник вошли восемь коротких рассказов. Среди рассказов вы встретите увлекательные мистические и фантастические сюжеты, почти детективные и любовные истории.

Авторы проекта выражают надежду, что многие начинающие поэты и писатели, произведения которых вошли в этот сборник,

ПИШИ НЕ В СТОЛ

запомнятся и полюбятся читателям.

Приятного чтения!

МАРИЯНА ОСМАНОВА

(Дагестан)

ПОКИНУТЫЙ

В душевном море вряд ли будет штиль.
Оно болеет, нет ему покоя.
Слепых иллюзий розовая пыль
Давно рассеялась, сдала себя без боя.

Обманут Богом... Богом и судьбой!
Обманут всем, чем может быть обманут.
Сражён и сломлен внутренней стрельбой,
Надеялся — до сердца... пули не достанут.

Всего лишь там какой-то человек,
Зачем он хочет быть? Чего он стоит?
Ведь этот мир в глазах его поблек.
Ведь он уже давно от боли стонет!

В нём нет желанья жить, ни капли сил,
Ни веры, ни надежды, ни смиренья.
Какая разница, кого он там любил?
Кому по детству отдавал последние печенья?

Кого волнует это? Дай ответ!
А кто ответит? Бог?
Ну где он? Где он?
Смешно... А я отвечу: «Бога нет».
Скорее — это жалкий, злобный демон...

Навала бы тебя искусством,
Самой первой своей победой.
Самым чистым и светлым чувством
И безоблачным синим небом!
Назвала бы тебя картиной,
Где художник запрягал душу.
Будь ты самой последней скотиной,
Для меня бы остался лучшим!
Назвала бы тебя планетой,
Обитающей в старых далях,
Или жарким июльским летом,
Где сердца мы свои отдали.

ГОРОД

Город печали забыт за плечами.
Город иллюзий устал.
Город надежд весь разбит палачами –
Город разбитых зеркал.
Город, наверное, чем-то болеет –
Бедный наш мудрый старик.
Он постоянно кого-то жалеет,
Только себя – не привык.

КАРДАНОВА АЛЁНА (КБР)

Ты рождаешься быть счастливой!
И в душе твоей — свет.
Научись быть всегда красивой
И умей говорить «нет»!

Будь теплом для себя и ближнего,
Но не трать тепло зазря.
Не страшись начинать все сызнава
И не верь никогда в «нельзя».

Закрывай от чужих в сердце двери,
Свою жизнь никому не дари.
Не обманывай тех, кто верит,
А кто верен тебе — держи!

Научись быть открытой солнцу
И впускай в свою жизнь весну!
Быть счастливой не так уж просто,
Но тебе — это по плечу!

Принимая людей — не придумывай
Качеств новых, которых нет.
Если кто-то предал — не обдумывай,
В том вины твоей точно нет.

Будь спокойной и терпеливой,
Будь простой.
Ты рождаешься быть счастливой!
Будь собой!

Если ветер в лицо —
Значит, правильный выбран путь.
Не прощать подлецов,
Перед ними спину не гнуть.

Не боясь перемен —
Твердо идти вперед.
Подниматься с колен,
Пока сердце твоё живет.

Поддаваться мечтам
И стремиться к лучшей себе.
И прощать друзьям
Всё, что простили тебе.

Не молчать перед важным,
Не болтать в пустоту.
Быть готовым однажды
Встретить свою судьбу.

Жить свободно, не опускать головы.
С сильным и слабым — быть одним человеком.
Укрощать строптивых силой своей любви,
И любить одного навеки.

КАРИНА ЖИЛОВА (КБР)

УРОДСТВО НЕ В ШРАМАХ

Не путай понятия. Уродство не в шрамах,
Уродство не в родинках и синяках.
Уродство — когда забываешь о маме,
Найдя оправдание в срочных делах.

Уродство — это не тонкие губы,
Не брови густые и редкость волос.
Уродство — быть злобным. Уродство — быть грубым
И задирать перед слабыми нос.

На свете так много прекрасных и видных,
Лишённых отваги, ума и огня.
И, пусть всем красивым не будет обидно,
Без внутренней — внешняя прелесть бледна.

Но мнимой красе воспевают молебны,
В иллюзии этой проходит вся жизнь.
И вроде бы зрячи, но всё-таки слепы,
Не видят сияния чистой души.

Но как же прозреть? Что для этого нужно?
Смотри не глазами, а сердцем смотри.
Уродство никак не бывает снаружи,
Запомни — уродство бывает внутри.

О ЩЕДРОСТИ ЛЮБИТ БЕСЕДОВАТЬ СКРЯГА

О щедрости любит беседовать скряга,
Ленивый глаголет о пользе труда,
Трусливый ратует за риск и отвагу,
У злого — главнее всего доброта.

Подлец иногда рассуждает о чести,
О честности песни поёт лицемер.
А раб говорит без конца о протесте,
Но не принимает каких-либо мер.

Болтливый кричит нам о пользе молчания,
Предатель о верности вновь говорит.
Ищет мечтатель себе оправдание,
А об аскетизме твердит сибарит.

Толкует так смело о мудрости глупый,
А умный, порой, в это время молчит.
Тому, кто всерьёз совершает поступки,
Совсем нет нужды всех чему-то учить.

Но каждый желает исправить другого,
Изъяны чужие прекрасно видны.
Смотрел на себя бы так каждый сурово,
И мир бы оглох от такой тишины.

КАРПЕНКО ЕЛЕНА (Дагестан)

ЯПОНСКИЙ СОНЕТ

Даль горизонта.
Розовым цветом восход
Море наполнил.

Громко и звонко
Милая песни поёт,
Глядя на волны.

Вижу в любимых глазах
Блеск перламутра.
Словно в прекрасных мечтах
Летнее утро.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ (ТРИОЛЕТ)

Грустим, прощаясь с тёплым летом.
Оно уходит, медленно кружась,
Сливаясь в танце с лёгким ветром.
Грустим, прощаясь с тёплым летом.
Земля прогрета, но при этом,
Грустит сова и в озере карась.
Грустим, прощаясь с тёплым летом,
Оно уходит, медленно кружась.

ДРУЗЬЯ, НЕ УХОДИТЕ

Мы все стремглав бежим, торопимся, спешим.
Делам, заботам нет конца и нет предела.
Стремясь к богатству, власти, почестям большим,
Остановись на миг. Твоё ли это дело?

И вспомнив про друзей своих, и про подруг,
Вновь понимаешь, что ты их давно не видел.
Но, не простясь, в небытие уходят вдруг.
Порой любя, порой кого-то ненавидя.

С проблемами идем мы не к врачу,
И если в чем-то не права — меня простите.
Друзья мои, терять вас не хочу,
Друзья, оставайтесь, я прошу, не уходите.

Мы все стремглав бежим, торопимся, спешим.
Делам, заботам нет конца и нет предела.
Возможно, даже завтра позвонишь ты им.
«А он ушёл» — ответят тихо и несмело.

Но, не смирившись, по привычке, будешь ждать,
С тоскою глядя на сервизные тарелки.
Вот он сейчас зайдет, пошутит и опять
Вы вспомните с теплом былые посиделки.

С проблемами идем мы не к врачу,
И если в чем-то не права — меня простите.
Друзья мои, терять вас не хочу,
Друзья, оставайтесь, я прошу, не уходите.

ИЛЬЯ КИРЕЕВ (КЧР)

Чувства подвергнуты пытке,
Разум в тисках расколот.
Флюгерами – улыбки,
Бьёт в наковальню молот.

Звуки надрывной скрипки,
Ночи приятный холод,
Сквозь тишину – шум, крики,
И по тебе – лишь голод...

Город в бетон укутан,
Колется галогеном.
А на часах минуты,
Мысли о незабвенном.

Сверху садится полночь,
Я – поплотнее свитер,
Память – такая сволочь,
На брудершафт – и квиты...

Утром – всем на работу,
Вечером – в магазины.
Ночью – свои заботы, –
Как бы набраться силы.

Кто – в тишине звенящей,
Кто – одинок в интиме,
Памятью преходящей,
Посредь людской пустыни...

ДУША МОЯ УЖЕ СЛОЖИЛА КРЫЛЬЯ...

Душа моя уже сложила крылья,
И плечи вновь изранены тобой...
Мне горько вспоминать о том, кем был я,
И как летал, до встречи роковой...

Теперь ты можешь бесконечно биться,
Маня чужие, в гавань, корабли.
Мне от себя здесь ни за что не скрыться,
Все наши чувства сели на мели...

Моя душа стремится камнем в море
Былых иллюзий, сотворивших зло.
О, как бы я хотел вдвоем с тобою
Быть пищей рыбам, заселившим дно...

Но ты паришь над бездною морскою,
Чернее мрака смутный силуэт.
Увы, я от себя теперь не скрою –
Ведь мог любить тебя, хоть сотни лет...

Не дашь ты морю утомиться штилем,
Не дашь утихнуть ветру одному.
Моя душа уже сложила крылья,
Осталось лишь разбиться... самому...

АНГЕЛ СТРАСТЕЙ

Оставь свои стрелы, о Ангел Страстей!
И острые крылья сложи за спиной.
Боюсь утонуть в море ярких огней,
Прошу — не кружи больше так надо мной.

Касаясь крылом, оставляешь порез,
И сердце сжимается в страхе любви.
Надежды клепсидра — как противовес,
Но жаль, утекают оттуда пески...

Пади же с небес, из глухой пустоты,
В парении вальс станцевав под луной.
В симфонии дикой, больной красоты
Смотри, что же ты сотворил здесь со мной!

Без лика, без чувств, без души, без надежд
Бреду я за счастьем, сгорая в огнях.
И манит мечта наготою одежд,
И травит меня, пылким взглядом пленя.

Но Ангел молчал в безразличной тоске,
Лишь тени рыдали над горькой судьбой.
Я стану свечой в море ярких огней,
Я стану твоей путеводной звездой...

ЛАРИСА ШАРИПОВА-РОГУШОВА (Дагестан)

ДОЖДЬ

Ранним утром почему-то дождь — другой,
Беспардонно бьется в форточку ногой.
И торопит, причитает: «Поднимайся! Что за лёжка?»
После сна мне потянуться бы дугой,

После сна поразмышлять бы часик. Но!
Надо встать, ведь так волнуется окно.
Штора алая порхает, даже сдвинулась немножко.
Там на улице трагичное кино.

Рюмки, стопки и бокалы, свысока,
На асфальт бросает вредина-рука.
Отлетая, закипают каплевидные осколки.
Лужи пенятся похлеще молока.

Жму на форточку — бодается экран.
Открывается. И бубен-барабан
Мощным звуком ударяет по сердечкам на футболке
И сшибает всю дремоту, как таран.

Там изредка проносится маршрутка.
И долго ей в ответ трава шуршит.
Там бродит пара — селезень и утка,
Она — как образ хрупкий, он — как щит.

Совсем не так, как угольная кошка,
Пересекают мой привычный путь.
Идут: и клюв качается, как ложка;
Глаза переливаются, как ртуть.

Наводят ужас редкие маршрутки.
Зачем же птицы здесь, не у пруда?
Гляжу на них — наверное, не утки,
Раз не нужна им тихая вода?

ИНАЛ МИРЗОЕВ **(Чеченская Республика)**

*С Именем Аллаха, Милостивого, Являющего
Милость!*

ПРОРОКИ

Издrevле к разным племенам народным,
Из них же лучшие, с призывом шли,
Чтоб люди кланялись не изваяниям бесплодным,
А Богу Истинному, с кротостью души.

Они прекрасны были и снаружи,
И нравом, и в поступках, и в делах.
Вот только дьяволы залезли к людям в души,
И все же милостив к ним был Один Аллах.

Всевышний знает все, что было и что будет,
Кому какая уготована судьба,
Он всех ко Дню Великому пробудит,
От полувечно-затянувшегося сна.

Об этом знали точно те Пророки,
Увещевали с мягкостью родных,
Но оказались для заблудших их пороки,
Милее благ и удовольствий неземных.

Они отвергли истину с гордыней,
Вернулись к своим идолам, с едой,
И попрекали избранных отныне,
Шептались с руганью за их спиной.

И тискали, дразнили, притесняли.
О, как же горько пожалеют наглецы!
Мирские, может, тяготы с них сняли —
Завязаны их вечных мук концы.

Но и тогда пророки не сдавались —
Стерпели все от нечестивых рук.
Они ведь знали: испытания сменялись
Лишь для того, чтобы возвысить Божьих Слуг.

Путь Истины — он самый трудный,
С него сойти легко, немного взяв уклон,
Но ведь Господь — Он Милостивый, Мудрый,
Низвел по справедливости Закон.

Один для всех! До самых дней последних —
Опора искренних и честных мусульман.
И нет на свете лучше тем воспетых,
Чем те пророки, их поступки, и Коран!

ЯХА ХАТУЕВА **(Чеченская Республика)**

ЗА КАМЕННЫМИ ПЛИТАМИ

За каменными плитами
Спрятана моя ужасная
Хромая любовь.
Она от избытка,
Недостатка
Чувств.
Уже больна.
Холода не при чём.
И некого в этой истории винить.
Для полного счастья —
Откручиваю винт,
Чтобы отсоединить эту часть
В моем механизме жизни.
Я спрячу тебя
В своём огромном свитере,
Цвета неба во время ливней.
И пусть никто не узнает и не догадается,
Какая я уязвимая
В отпечатках твоей души...

ЛУННЫЙ ТАНЕЦ В БЕТЛИ

Выйдем с пледом зимней ночью,
Взглядом солнце утром встретить!
Сердце, раненое в клочья,
Словно бомбу — обезвредить.

Тайно кружим в лунном танце,
Образовывая петли.
Мятный холодок в румянце
Навевает ветер в Бетли.

**ЕЛЕНА ПШЕГОДСКАЯ
(ГЕТМАНОВА)
(КЧР)**

ПОЭТ

Стоит поэт на сцене,
Читает новый стих.
Упасть бы на колени —
Спросить бы, как достиг
Таких высот полёта,
Пронзивших душу фраз?
— Я был бы идиотом,
Коль посвящал бы вас
В поэта мастерскую,
В глубины светлых чувств.
Я выбрал жизнь такую —
Превыше всех искусств!
Бывало, на салфетках
Или клочках газет,
Потом на табуретках,
Когда гасили свет —
Писал, чтоб впасть вам в души,
Чтоб капала слеза...
Не нравится — не слушай!
Зато я всё сказал!

АННЕ АХМАТОВОЙ

Когда угасну я, а листик от берёзы
Закружит в вихре танца над землёй,
Не раскисай, прошу, и лей недолго слёзы —
Нельзя ушедших бередить покой...
Тебя я буду ждать. Но не спеши, не надо —
Я ножки свешу с облака, пока...
Обрушусь на тебя дождём и снегопадом,
И вместо шариков пришлю я облака —
На день рождения твой, как в детстве
 безмятежном,
И лёгким листопадом зашуршу...
Ты не грусти, родной, мой ласковый и нежный —
Тебе я и Оттуда напишу!

САКСОФОН

Снежинок рой под Фаусто Папетти
Кружился в вихре танца над землёй,
И мы с тобой, как маленькие дети,
Ловили ртом их — таял этот рой...
Плевать тогда нам было на ангину,
Часами мы лежали на снегу,
Я не забуду зимнюю картину,
Которую у сердца берегу.
Народ спешил, кругом мелькали лица,
Нам было не до них — я не солгу,
И ты нашёл на шее, у ключицы,
Те точки, что забыть я не могу...
И каждый раз, когда летят снежинки,
Звучит в душе Папетти саксофон...
Поставь, мой друг, любимую пластинку,
Чтобы сердца стучали в унисон!

ХАСАНОВА ДЖАМИЛЯ (Ставропольский край)

ПИСЬМО

Это письмо на рисовой тонкой бумаге,
На тростниковых пластинках, телячьей коже,
На сухой бересте, объёмных свитках,
На шёлковой чистой глади, обороте обоев.

Это письмо забытыми рунами, арабской вязью.
Трафаретно изящным рондо, ярким уставом,
Золотой соёмбе, тактильным Брайлем.

Это письмо о том, что облетело поля,
Что ежедневно стучит в висках, бьёт по аорте,
Что леденит запястья, сбивает пульс,
Что до боли светло и свято...

Это письмо на рисовой тонкой бумаге,
На тростниковых пластинках, телячьей коже,,
На сухой бересте, объёмных свитках,
На шёлковой чистой глади, обороте обоев.

| Это письмо я запечатала

И сожгла.

НА ЗЕМЛЕ

На земле и я, как все, гостила,
На земле так холодно и сыро.
Тянет ввысь таинственная сила,
За спиною — сломанные крылья.

Сквозь меня, ликуя и кляня,
Сквозь меня — мелодия огня,
Душу настужь сонную открыла.
За спиною — сломанные крылья.

На земле, чудовищно постылой,
У людей тоскливо, сиротливо,
У людей мелодия гостила,
За спиною — сломанные крылья.

Ангел, самый нежный и родной,
Чтоб душа взлетела над землей,
В лунном свете тишины ночной
Напиши мне песенку и спой!

Этот мир — безжалостно слепой.
Этот мир запомни и воспой.
Чтоб душа взлетела над землей
В лунном свете тишины ночной.

ЗАГОВОР

Бесконечный путь солнце опалит,
Босиком ходить, горизонт — вдали,
Ветер носит прах, наш очаг дымит.
Посмотрю в огонь, обрывая нить.
Ты прошёл войну, был от боли пьян,
Рассыпал золу, наспех отдохнул,
Поистер сафьян, обронил свой лук,

Обломал стрелу, расстрелял колчан.
Наблюдал сто лун, сторону одну,
Позабыл свой смех, звонкую домбру,
Выслушал луну, выдохнул емшан,
Начертил сто рун, где-то прикорнул.
Мне тебя встречать, выветрить весь чад,
Войлок расстилать и наполнить чан,
Бархат вышивать по глухим ночам,
Колыбель качать, звезды не считать,
И дотла гореть сотню зим, сто лет.
Мне бы улететь, только крыльев нет.
Только крыльев нет.
Крыльев нет.

ГОЖЕВА МАРИНА (КЧР)

АБАЗИЯ

Страна моя – Абазиния!
Прекрасный народ в ней живёт.
В стране моей – Абазинии,
Единство – надёжный оплот.
Сердца чисты, люди вольные.
В них сила, величие, прыть.
Поля, леса, реки горные –
Красу их не просто забыть.
И нет родней Абазинии,
Овеян победой Абаз.
Его трофей – небо синее,
Которым гордится Кавказ.
Живи народ не в безмолвии,
Щкарауа лихой и Тапант!
Печаль потерь, чтоб не помнили –
Сверкай, словно ты – бриллиант.

РУСЛАН ОХТОВ (КЧР)

МИНЕРВА

Коллинеарный вектор привел меня к вам,
Минерва —
Математическо-техническая стерва.
Любую зачёркнутую цифру вы принимаете
за богохульство.
Простите, но я не адепт вашего геометрического
культа.
Вас можно разобрать на квадраты или ромбы,
Полетят на меня треугольные бомбы.
Неужели вы думаете, что душу человека можно
измерить отрезком?
Чуть не убили меня движением резким.
График функции не расскажет вам, как меня зовут.
Цепочка на ноге — ваш единственный атрибут.
Боги создали этот мир, используя бинарный код,
Из единицы и нуля состоит небосвод.
Прошу вас, Минерва, перестаньте сравнивать
людей с бездушным кубом,
Ведь это очередная стереометрическая глупость.
Минерва, помните, если вы разделите ноль на ноль,
то не получите что угодно.
Действительность и математика по своей сути
инородны.

Единственное, что вы можете получить – это
действительные числа.
Вы делаете свою бессмертную жизнь скучной, узко
мысля.
Прошу, богиня, очнитесь от логического сна!
Модуль вечности – не её длина!

ЛЕЙЛА ЧОТЧАЕВА **(КЧР)**

ЗАКРЫЛАСЬ ИЗНУТРИ

Закрылась изнутри на сто замков,
Хотя снаружи я осталась та же.
Меня хранят невидимые стражи
От злых и нечестивых языков.

Крутые склоны в жизни — не помеха,
В них благороден риск, всегда оправдан.
И даже если дышит он на ладан,
Насколько высока цена успеха?

Толпа глуха до чаяний души,
Которая в томлении беззвучном,
На месте не всегда благополучном,
Пока его покинуть не спешит.

Когда одолевает злейший враг,
Он застревает между двух миров:
В одном из них — прекрасен и здоров,
А во втором — клинический дурак.

Среди других таких же, как и я —
Стеснительных, застенчивых и тонких,
Веселых, иногда до дрожи громких —
Я поздно осознала, кто друзья.

МАДИНА ХАТУКАЕВА (КЧР)

Вырви у города шумный вздох,
Просто заставь молчать.
Путь застигает мне едкий мох,
А на дверях печать.

Пуля калибра четыре ноль.
В сточной канаве труп.
Прячу подальше холодный кольт.
Я ж не настолько глуп.

В доме четыре живёт Мари,
Ей девятнадцать лет.
Я поджидаю у той двери,
Выключив к черту свет.

Вечером, в девять, бумажный клерк
Поздно идёт домой.
Милая дама преклонных лет
Станет его вдовой.

В тихой кофейне заказан стол.
Улица Сент-Нуа.
Пуля калибра четыре ноль.
Я буду ждать тебя.

ЧЕРНЯЕВА ЕВГЕНИЯ (КЧР)

ГРУСТЬ-ТОСКА-ДА-ПЕЧАЛЬ

*Посвящается отцу – Марцинкявичюсу
Юозасу Владо*

Над плато высыхания времени,
Где утерян Священный Грааль,
Поселилась на верхнем, у темени,
Этаже Грусть-тоска-да-печаль.

И не ест, и не пьёт, а смотри же ты,
Как растёт: не по дням, а часам.
В одиночестве бродит по крыше там,
Не давая покоя орлам.

Косы русые лентой удушены –
Змейка траура – год в волосах.
А тончайшее чёрное кружево
Прячет страх в бирюзовых глазах.

Всё кручинится, мается девица,
На N-сотом «больном» этаже.
Горько, некому взять и пожалиться,
Дом заброшен на старой меже.

Плотно ставни на окнах захлопнуты,
Замурована дверь под порог.
И не слышит, ни шага, ни топота
Позабывтый для мира острог...

РОМАН ПЕТЛЯ (КЧР)

ТОЧКА

В одной лишь точке. Там, где я закончу путь.
В лесах, где сосны устремились в небо.
На мшистый камень я присяду отдохнуть.
Испить вина с куском ржаного хлеба.
Я здесь останусь только на чуть-чуть.
Всего лишь, вся оставшаяся вечность.
В последний раз, подняв дыханьем грудь,
Сольюсь с могучим горным лесом.
Со всех сторон спешит ко мне зверё,
я приглашаю мною отобедать.
И разнести среди полянок и ручьев,
Всё то, что я у леса брал на время.
В моих глазницах вырастут грибы.
Меж рёбер будет течь поток холодный.
Я буду среди мхов, зверей, травы.
Я буду, словно лес огромный.
В который ты с вином, краюхой хлеба
Придешь на мшистый камень отдохнуть,
Взглянуть, как сосны устремились в небо,
В ту точку, где закончится твой путь.

ХАЛИМАТ ГЕРГОКОВА (КЧР)

ОН И ОНА

Он путался потому, что путалась она. Он чувствовал ее, как часть себя. Будь то рука или нога. Она была так же важна и так же нужна. Он боялся ей признаться в том, что заботится о ней не без причины. Но она понимала это без слов. Ей они совершенно не были нужны. Неловкое молчание для него превращалось в тягучую энергию тепла и понимания для нее. Ей так нравилось ощущение того, что не нужно говорить. После стольких разговоров, она, наконец-то, рада просто молчать.

Он взял ее за руку, она, опустив голову, улыбнулась и продолжила смотреть в окно. Пейзаж сменился: вместо солнечного диска зажгётся полумесяц, и прежде голубой цвет неба сменился сиреневым. Она пошевелилась и посмотрела на его профиль, он сидел неподвижно и наверняка был отвлечен какой-то мыслью, не заметив того, что она пристально наблюдает за каждым движением его бровей, носа и складок губ. Она была заморожена натуральностью его черт, его невинной открытостью перед ней, неосознанностью своих действий.

Он был самим собой, и это было так прекрасно, что она инстинктивно открыла глаза шире, и ее нижняя губа непроизвольно опустилась, а сердце забилось быстрее. Она была под впечатлением от него. Внезапно он повернулся к ней, будто бы его что-то осенило, подвинулся так близко, что она невольно отпрянула и, слегка нахмутив брови, удивленно посмотрела на него.

Он наблюдал за ней, ни говоря при этом ни слова. Складки на ее лбу потихоньку разгладились, и она быстро чмокнула его в губы. Он мягко взял ее за подбородок и поцеловал в ответ очень аккуратно и таинственно, тихо, без давления, без той страсти, что бывает при поцелуе влюбленных. Он целовал ее душу, он любил ее просто так, и эта абсолютная непринужденность его действий брала верх над ее сердцем. Она чувствовала негу спокойствия, чувствовала, как все ее мышцы расслабляются. Она легонько положила руку на его шею. Он так же мягко отстранился и тепло посмотрел на нее. Она почувствовала этот взгляд. Только она знала что он значит, никто больше не мог разгадать эмоции в его темных глазах. Он прикоснулся к ее макушке, вдохнул запах свежих волос, который смешался с ее духами, и устоялся в окно, где посекундно менялся пейзаж.

АЛЕКСАНДР КАРАПАЦ **(Дагестан)**

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

Вася был неудачником. Завтра последний день перед отпуском, но он никуда не едет: нет денег и не с кем. Опять промает месяц в душном городе. Лица его бросила. Родители постоянно ворчат, считая, что он занимается ерундой на работе. Но ведь сами благословили на юридический.

Он вошёл в Галабук и написал: «Послезавтра отпуск. В планах путешествие в Арзрум». Что такое Арзрум Вася сам толком не знал. Слово неожиданно всплыло в памяти. А путешествие — просто фантазия, жалкая сублимация.

Утром, по инерции глянув на свою страничку в Галабуке, обомлел: три сотни лайков, десятки комментариев. Сразу принялся отвечать.

- Удачи! — Спасибо!
- Не бойтесь? — Не впервой!
- Завидую! — Присоединяйтесь!
- Когда вылет? — Завтра.

Вася чувствовал себя именинником. Интересно, что же такое Арзрум? Раздался звонок.

- Василий?
- Да.
- Вы отправляетесь в Арзрум?
- Ну.
- Это из «Новостей галактики». Не согласитесь ли вести репортаж о путешествии?

- Да я...
- Спасибо! Аванс уже на вашем счету.

Не успел осмыслить последнюю фразу, как снова пришлось отвечать на вызов.

– Это из «Суммы технологий». Мы финансируем ваше путешествие в Арзрум. Экипировка, билет, питание – всё будет оплачено.

- Да я не...
- Спасибо. Деньги уже на вашем счету.

Обалдевший Василий отправился на работу. Все сотрудники встали при его появлении.

– А вот и наш путешественник, – заулыбался начальник. – Только что в новостях показывали.

Провожаемый недобрыми взглядами мужчин и восхищёнными женщинами, Вася проследовал к своему месту. Звонили весь день. Фирмы предлагали контракты на рекламу, друзья желали удачи, девушки просили о встрече. А в Галабуке вокруг вчерашнего поста развернулась бурная дискуссия, перешедшая в обсуждение политики и футбола. У выхода его встретила Лика.

– Вася, я была не права! Ты – настоящий герой! Я буду тебя ждать! – и не дав герою опомниться, бросилась ему на шею.

В космопорту не протолкнуться от провожающих. Музыка, напутственные речи. На всех экранах растеряно улыбающийся мужчина средних лет, нагруженный цветами и подарками.

Васю запихнули в тесную капсулу, предназначенную для сверхдальних перелётов. Шума уже не слышно, хотя вспышки фейерверков видны и отсюда.

- Поехали! – выдохнул Вася.

Очнувшись, он увидел склонившуюся над ним симпатичную девушку.

- Вылезай, – кричала в ухо незнакомка.
- Это Арзрум?

– Да! – девушка буквально вытащила Васю из капсулы и принялась устраиваться в ней сама.

– А что я буду здесь делать?

– Чуть не забыла! – красавица сняла с шеи медальон и надела на Васю. – Ты теперь посол Земли. Живи и наслаждайся!

– А почему я?

– Потому что согласился! – подмигнула незнакомка. – Я тут уже восемь лет. Никак не могли найти замену. А по закону требуется присутствие живого человека.

– Подожди! Так это надолго?

– Как получится! – и крышка капсулы захлопнулась.

Силовое поле оттолкнуло Васю в сторону, и капсула взмыла в небо.

– Приветствуем на Арзруме! Вы – единственный житель планеты. Желаем долгих лет царствования! – проскрежетал металлический голос.

ДИНАРА ОРАЗБЕКОВА **(г. Нур-Султан, Казахстан)**

*Посвящается памяти
всем выполнявшим свой долг егерям
и истребленным сайгакам.*

САЙГАЧОНОК

Случилась эта история, не могу сказать, когда точно, но помнят ее все от мала до велика. Жил в нашем поселке егерь. Каждый день он ездил на работу. Однажды егерь не вернулся...

– Сайгаки живут стадом, мигрируют на большие расстояния, – по радио передавали очередную передачу о сокращении численности сайгаков.

– Живут стадом, – сидя за рулём джипа передразнивал голос ведущего радио Ален.

– Мне нужны рога, всего одного сайгака! – сказал он с ехидством. На его пути возникло стадо сайгаков.

– Какая удача! – произнес Ален.

– А где же вожак стада? И тут он увидел сайгака с золотыми рогами.

– Вот это да! Интересно, сколько я за них получу? – подумал Ален.

– Надо сказать Абзалу.

По рации он передал о своей находке другу, чтобы он поскорее приехал к нему.

Вдруг, прямо перед джипом, возник маленький сайгачонок.

Ален резко затормозил. Осыпал его бранью и вышел из машины с ружьём.

— Сейчас я тебе покажу! — он направил оружие на ни в чём не повинное животное.

В тот самый момент перед маленьким сайгачонком возник вожак стада. — Вот это удача! — произнес Ален.

— Сайгак с золотыми рогами преградил ему дорогу и закрыл собой детеныша.

— Рога сайгака — вот главный трофей браконьеров, — и он направил оружие на вожака стада.

— Не убивай меня, человек, подумай, что ты творишь? Ради денег и забавы ты готов оставить без вожака целое стадо? Гляди, это обернется для тебя бедой! — сказал сайгак.

Но не услышал его человек. И выстрелил. Стадо успело скрыться. А браконьер подъехал к убитому сайгаку.

— Будет чем закрыть свой карточный долг перед Азатом, — беря тушу за ноги, подумал Ален. Тут он услышал шорох позади себя. Ален обернулся и увидел маленького сайгачонка, испуганно смотревшего на него. Какое везение, — подумал браконьер, — будет чем похвастаться перед друзьями. Ален бросил тушу и взял ружье, чтобы убить несчастного сайгачонка. К сайгачонку подбежала мать сайга. Когда прозвучал выстрел, она успела закрыть собой свое дитя.

— Черт возьми, что она тут потеряла? — с досадой подумал Ален, целясь ещё раз в испуганное маленькое животное. Но тут произошло то, чего он никак не мог предвидеть: на него самого было направлено оружие.

— Стой! Не смей! Иначе ты лишишься жизни! — Ален услышал голос егеря.

В эту минуту подъехала машина. Егерь обернулся посмотреть, кто там. Браконьер выстрелил в него. А сайгачонок скрылся из виду.

— Идиот, что ты наделал! — закричал Абзал, — Зачем было

убивать егеря? Ты, как хочешь, а я сматываюсь. Он завел машину и скрылся из виду.

— Ну и уезжай, мне одному больше достанется! Надо что-то делать с телом, — подумал Ален и достал из машины кусок брезента. Замотав в него тело егеря, он засунул его в машину. Сверху положил туши двух сайгаков. Надо быстрее уезжать, вдруг он успел вызвать помощь. Ален стал заводить машину. Машина почему-то не заводилась.

— Только этого мне не хватало! — подумал он и вышел из машины, посмотреть, в чём же дело.

В это время браконьер услышал шорох около себя.

— Кто здесь? — закричал он. Рядом никого не было.

— Может мне померещилось? — подумал Ален. Шорох повторился. Он посмотрел в сторону.

— А, это ты? — сказал Ален, глядя на сайгачонка. — Все не можешь понять, что стало с отцом? Мне нужны были рога! Видишь? — доставая их из сумки, сказал он.

— Рога?

— Кто это сказал? — Ален испуганно посмотрел на сайгачонка, — Ты?

— Рога? — снова услышал он.

— Да рога! Мне нужны рога!

— А как же мои родители?

Ален расхохотался.

— Родители? Какие родители, вы глупое стадо сайгаков! Нам нужны только рога! И он затряс рукой, держа в ней золотые рога сайгака. Рога вдруг ярко засияли, Ален зажмурился и от неожиданности выпустил их из руки. В тот момент он почувствовал, что что-то происходит.

Открыв глаза, увидел, как один егерь направляется к его машине.

— Чёрт побери, только его мне не хватало, — подумал Ален.

Он хотел выстрелить из ружья снова, но понял, что его нет в руках. А вместо рук, он увидел копыта.

— Что это? — хотел было закричать Ален. И тут услышал голос над головой.

— Ничего, ты привыкнешь! Вырастешь, у тебя будет свое стадо, которое тебе придётся оберегать от таких, как ты, и степных волков. Ты поймёшь, что значит жить в постоянном страхе! — сказал* Белый старец, глядя маленького сайгачонка по голове.

**Белый старец — буддийское божество плодородия и долголетия, покровитель сайгаков у калмыков.*

АСЯ БАЙРАМУКОВА (КЧР)

СЕРАФИМА ИВАНОВНА

— Она спит? — в дверях палаты показалась запыхавшаяся Надя с желтыми хризантемами и аккуратно шагнула вперед.

— Да, но может проснуться в любую минуту, — грузная медсестра взглянула на стрелки часов, красовавшиеся на ее толстом запястье, и перевела взгляд на цветы. — Проходите, я схожу за вазой.

Надя подошла к койке, осторожно, опасаясь скрипов старой мебели, села на белую табуретку, неловко положила на тумбочку свой нехитрый букет и посмотрела на исхудавшее тело под легкой простыней. Серафима Ивановна дышала ровно и тихо, на чуть желтоватом лице лежали мягкие тени, отбрасываемые прикроватным светильником. Надя обратила внимание на неподвижные руки Серафимы Ивановны и медленно вздохнула, вспомнив их сильными и крепкими. Когда-то эти руки держивали огромные стопки учебников по литературе и горы школьных тетрадей, а сейчас они беззащитно покоились поверх простыни. И даже это, казалось, было для них невыносимой тяжестью.

Много лет назад, когда Надя была ученицей пятого класса, именно Серафима Ивановна открыла десятилетней девочке удивительный мир литературы и показала, какой властью обладает слово. Маленькая Надя решила во что бы то ни стало стать учителем русского языка и литературы и многие годы упорно шла к заветной цели, но, будучи уже выпускницей, решила попробо-

вать себя в журналистике. Серафима Ивановна ни разу не упрекнула Надю Маркину за это решение и даже не подала виду, что удивлена или раздосадована, хотя много раз слышала от самой Нади, как здорово прививать любовь к прекрасному русскому слову. А Наде просто захотелось повидать мир, быть той, кто создает сенсации, отыскивает редкую информацию и соединяет прочным мостиком людей, живущих в разных концах огромной страны.

С тех пор минуло двадцать лет. Подающая большие надежды Маркина редко бывала в родном селе, а когда бывала — всегда спешила: бесконечные сюжеты, статьи и съемки не заканчивались, ждали в большом городе и заполняли все свободное время. Она ни разу не пожалела о том, что связала жизнь с журналистикой, которая, словно наркотик, одурманивал ее своим бешеным ритмом и огромным потоком новостей. Но почему-то чувство вины не оставляло ее. Одинокая учительница русского языка часто снилась Наде. Сны эти всегда были светлыми и немного тоскливыми. Наверно, так выглядит детство, думала, проснувшись, Надя, и переключала свое внимание на решение более важных задач...

Несмотря на ноябрь, в палате было довольно тепло и даже душно. Серафима Ивановна по-прежнему спала. А Наде вдруг вспомнилось одно апрельское утро. Они с классом и Серафимой Ивановной отправились глубоко в лес — слушать пенье соловьев. Надя до сих пор помнила покалывающую прохладу весеннего месяца, волнение одноклассников и стук собственного сердца. Соловья они так и не услышала — безостановочно галдели, что распугали всю живность в радиусе двухсот метров. А потом они писали сочинение о своем маленьком приключении, о растениях и насекомых, которых повстречали, о дружбе и о том, как чудесно жить в родном краю, возвращаться домой — к маме и папе.

Сейчас Наде не верилось, что с того апрельского похода прошло столько лет. Серафима Ивановна как будто и не постарела. Может, потому что Наде и ее одноклассникам все учителя уже тогда казались слишком взрослыми. Только лицо бывшего русоведа выглядело изможденным после перенесённого инфаркта. Врачи говорили, что при хорошем уходе будет жить еще долго. В районном центре вроде есть хороший дом-интернат для стариков. Муж Серафимы Ивановны умер рано, детей у них не было. А новую семью создавать она не захотела. Нерастраченную нежность отдавала детям и любимой работе.

Как же легко было сидеть возле нее, всматриваться в знакомые черты, наполняться светом детских воспоминаний. Однажды Надя поняла, что совсем не тоскует по детству. То есть она по-прежнему его любит и ценит, считает самой счастливой и беззаботной порой — вся жизнь была впереди, папа был жив, мама не болела, Викуня боготворила старшую сестру, а по двору расхаживали наглые курицы, отбирая еду у ленивого Шарика. Но Надя научилась согреть воспоминаниями, черпать в них силу и саму себя, она смирилась с бегом времени и с тем, что все проходит. С нами остается только то, чем мы себя наполняем.

— Ну что, пациентка не проснулась? — неожиданно за спиной Нади послышался голос медсестры. Та стояла с хрустальной вазой, которая была словно из антресольных запасов советских времен.

— Нет, спит. Видимо, сильно устала, — Надя нежно посмотрела на Серафиму Ивановну. — Знаете, я тут несколько дней буду, даже неделю, наверно. В общем, завтра загляну. Уже довольно поздно...

— Хорошо, — охотно согласилась медсестра и, взяв со столика уже забытый Надей букет хризантем, поставила цветы в воду. — Она может и до утра проспать так.

Надя рассеянно подумала, что двадцать минут назад медсестра предполагала совсем другое.

— Да. Пожалуй, пойду, — женщина легко сжала плечо Серафимы Ивановны, неторопливо встала и еще раз взглянула на любимого педагога. — До завтра, Серафима Ивановна. Спасибо!

АХМЕДХАН ЗИРИХГЕРАН **(Дагестан)**

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

- Кама, ты?
- Вот блин!
- Сколько я тебя не видел...
- И я тебя, но слышал за тебя немало.
- И я за тебя.
- Мага, дай пять!
- Салам алейкум, Кама. – Мага, опустив автомат, крепко сжал протянутую руку.
- С трудом узнал тебя, братуха, алейкум, алейкум. – Глаза Камы сияли. – Борода тебя изменила, по голосу узнал скорее.
- А я тебя сразу узнал, несмотря на весь твой прикид, – улыбался Мага, – и пушку ты первый опустил, ты всегда мужик был.
- Да, – нахмурился Кама, – у нас разные дороги теперь, но я всегда рад тебя видеть.
- Улышат нас, – улыбнулся Мага, – и твои же тебя же, уходи.
- Может, выйдешь? А? Мага, ну смысла же нет!
- Альхамдулилях, смысл на моём пути есть всегда, – нахмурился Мага.
- Ты ж меня знаешь, я на уши падать не люблю, у тебя своя тема, у меня своя, но можно же спокойно жить.
- Я спокоен, ты не представляешь как.
- Рад за тебя.
- Ты идеалист.
- Ты тоже.

-
- Только идеалы у нас разные.
 - Обычное дело, – вздохнул Кама.
 - Отец твой как? – улыбнулся Мага.
 - Вот только вчера тебя вспоминал, говорил мне, чтоб я тебя вытащил, если что.
 - Он у тебя капитальный мужик.
 - Твой же всё молчит, хмурый ходит, – нахмурился Кама, – и что сказать ему, не знаешь.
 - Он старый коммунист, – улыбнулся Мага, – что поделать.
 - Мага, – рубанул рукой по воздуху Кама, – вот твой отец коммунист, атеист, но в тебе я не вижу к нему злости.
 - Он же отец, – опустил глаза Мага.
 - И ко мне я в тебе не вижу злости, – Кама заговорил быстро, словно пытаюсь успеть, всё сказать, – а ведь я твой противник.
 - Ты сам знаешь почему, – улыбка не покидала Магино лицо.
 - Может, выйдешь? А? Мы же все уживёмся, каждый со своей идеей.
 - Нет, ты же знаешь, я встал на путь борьбы, ты же борешься за свою идею, вот и я иду умирать за свою.
 - Эх, Мага. – Кама сел на пол и незаметно утёр невольную слезу. – А помнишь, как мы арбузы с крыши кидали?
 - Да, да, да, – тихо засмеялся Мага, и тоже уселся на пол, спиной к Кама, – нас потом столько искали.
 - А мы тогда уже чухнули с балкона по дереву. – Кама тоже смеялся. – И нас так и не спалили.
 - А потом заходим во двор, типа не при делах, – продолжал вспоминать Кама, – типа мы сейчас тока на хату идём.
 - А потом набрали воды в пакеты и тоже кидали, – смеялся Мага.
 - Как тогда было просто жить, – нахмурился Кама.
 - В детстве всё просто.
 - А теперь ты и бежать не хочешь.

– У тебя дочка родилась, слышал, – поменял тему Мага, – поздравляю.

– Спасибо, брат, – ответил Кама, – а у тебя что, вроде была у тебя жена, говорили.

– Нет, не дал Аллах мне детей, – вздохнул Мага, – и её уже тоже нет.

– Да уж, – вздохнул Кама.

– Камский, – Мага осторожно встал, – прощай брат, меня ждут мои братья, тебя твои.

– Было бы по уму, если бы я дал тебе сейчас в табло, вырубил и вынес, – вздохнул Кама.

– Я бы всё равно вернулся к братьям, годом раньше, годом позже. – Лицо Маги расплылось в улыбке.

– Магашка, – Кама нехотя поднялся следом, – я не буду стрелять в тебя, доложу всё как есть.

– Ты настоящий. – Мага крепко обнял Каму и, подняв автомат, пошёл внутрь дома.

– Прощай, Магашка. – Кама уже не скрывал слёз.

– Я уже давно Мухаммад, – улыбнулся, обернувшись Мага, – даже если выстрелишь, ты не попадёшь в того Магашку.

Кама ничего не ответил. Проводив взглядом скрывшегося в проёме двери Магу, он, вытерев слезы, осторожно полез обратно. Задание своё он выполнил, проверил дом, стоящий вприкрык с домом, где были заблокированы боевики. Хотя и оторвался от товарищей, поднявшись наверх. И как оказалось, не зря. Дома были связаны проходом. Он мог и скрыть встречу с другом детства, но смысла в этом не было. Всё равно всплыло бы на опознании.

Пока Кама с товарищами осматривали строения, ночная тьма рассеялась и очертания двух домов, окружённых со всех сторон кольцом бойцов и брони, выплывали из тьмы. Доложив о происшедшем и получив добро на отдых, Кама, не оглядываясь, пошёл прочь от дома. Забравшись в машину, он натянул

шапку на глаза и постарался уснуть. Он знал, что будет дальше: переговоры, предложение выйти. Потом недолгий бой.

– Кама, – услышал он сквозь полудрёму голос Арсена, рослого лейтенанта, который с ним утром был на осмотре дома.

– Да, Арсюха, – Кама резким движением сдвинул шапку с глаз, – как там? Всё?

– Да, на осмотр идёшь?

– Иду, – мрачно буркнул Кама и поднялся.

Дом был разбит. Огня уже не было, но дымом тянуло из всех окон. Судя по тому, как без опаски бойцы выходили из дома, всё было кончено. Ступая по разбитому оконному стеклу и кирпичной крошке, Кама зашёл в дом.

Магу он нашёл не сразу. Искал у окон, прикидывая, откуда кто мог стрелять. Но среди убитых с оружием в руках Маги не было. Он был внутри. Его убило взрывом, сразу понял Кама. Опустившись на одно колено, Кама пододвинул к себе автомат, что лежал рядом, и отомкнул рожок. Он был полный. Все остальные рожки, что были в разгрузке Маги, тоже были полны. Он не стрелял.

Вздохнув и посмотрев ещё некоторое время на чёрное от копоти лицо, Кама вышел из дома. Надо было договориться. Единственное, что мог он теперь сделать. Он знал, что сможет забрать тело без денег. Забрать и отвезти к отцу.

МЕДИНА НАХУШЕВА (КЧР)

ЛЕС

1 ЧАСТЬ

Интернета нет, нет интернета.

А нет, есть! Н+

Снова исчез...

Но это и к лучшему. Впереди меня огромный тенистый храм с птицами и подозрительными шумами – Лес.

Телефон переведу на беззвучный режим. Можно мне никто не будет названивать и просить импонировать?! Спасибо!..

Я со злостью пну камень, телефон оставляю на нем же, а пятьдесят рублей быстро поплывут по речке.

Войду в Храм, прогуляюсь. Что-то мягкое под ногами, всюду клокочит и шипит, а земля местами проваливается болотцем.

Надо не думать о телефоне. Там негодующие «голосовые», утверждающие, что я сошла с ума. Но их мнение больше не имеет веса и силы в моей системе координат. Главное, что все коты и вороны утвердительно смотрят мне вслед.

Я не боюсь ничего – я изучала видео «как выжить в лесу». У меня есть дедов нож и неплохой бинокль с «Алика». Я умею мастерить луки!

Интересно, а много ли «голосовых» прибежит за мною в Храм?..

Ведь он прекрасен. Хотя бы тем, что здесь нет их.

Тех, кто неоправданно посчитали себя богами. Тех, что воро-

вал деньги и энергию. Тех, кто убивал и путал единую истину с собственной правдой. А главное, тех, кто не подозревал на что я способна!

Но мне уже все равно, ибо пора добывать огонь.

2 ЧАСТЬ

Прошло несколько полнолуний.

В шалаше уютно и неуютно одновременно. Предыдущий пришлось оставить из-за нападения злых мурашей.

Сегодня странный, беспокойный день. Ветер вдруг поменял направление, птицы устали балагурить, а из кустов выскочили две хомячки морды и унесли из-под моего носа кусок еды. Возмутительно!

Но наиболее возмутительное — это появление в моем Лесу двух человеческих особей. Они гоготали и рассказывали анекдоты про фрустрацию и крыс.

Я засмеялась, но потом увидела, как они начали бросать сосуды от ядовитого синего напитка в мой колодец. Негодяи!

Недолго думая, я, взлохмаченная и страшная, с листьями в волосах, с воем бросилась на особей. Те испугались, и одна из них, невесть зачем, полезла в кустарник. Ветка кустарника отскочила и треснула вторую в лоб, та охнула и побежала в другую сторону, умудрившись поломать мой шалаш.

Я, злобно бубня и обзывая воздух, поплелась чинить свое жилище.

В тот же вечер, под северным холмом, нашлась потерянная кем-то шкатулка, в которой был захоронен потрепанный том писателя Шелкоперского.

На пожелтевшем форзаце чернилами было выведено уродливым почерком: «Дорогому Юрцу от Николая Семеныча. Поправляйся, товарищ, и возвращайся в наши ряды»

Том оказался бесполезным, и его мигом сожрал мой злой костер.

3 ЧАСТЬ

Романтика одиночества в Лесу в моих глазах подозрительно начала ослабевать с первыми морозами. Шалаш более не согревал, и мои глиняные эксперименты с его стенами немедленно потерпели крах.

Мне было весьма завидно и грустно, когда мимо меня пробегали все те же хомячьи морды в пышном, согревающем одеянии.

Ночь снова сделала сегодняшний день холодной. На сей раз, гораздо сильнее и безжалостней.

Шалаш окончательно перестал греть, и я, продрогнув, выбралась, и начала долго идти в неизвестном направлении.

В итоге я напоролась на стаю волков, одетых в синие плащи и держащих в зубах тома Шелкоперского, однако, через некоторое время, я вспомнила, что волков подобного рода водиться в моем Лесу, увы, не могло...

Ноги вдруг завязли в снегу так, что неведомая сила затащила меня вглубь, и я упала лицом вниз и оказалась внутри некоего жилища.

В нем было внезапно тепло, и я даже не думала вставать. Рядом со мною подсел некто большой и запыхтел над ухом.

— Ты че на животе лежишь? — спросил Миша, — К своим бы тебя. Согрели б по-человечьи, че у нас-то забыла?

— Не хочу к своим, — пробубнила я в землю, под нос, — Я — брюзга и мизантроп.

— Какой такой мегантроп? Ты человек обычный, современный, чего очки втирать-то...

Зверь сел поудобнее, зажег керосиновую лампу, достал из меха Шелкоперского, нацепил очки и с честной советской физиономией принялся читать.

Наутро я, подняв голову, увидела деревянные стены, работающий урчащий ретро-холодильничек «Бирюса», и доброго коричневого старичка в грязных ботинках.

Старичок накормил, поохал, вручил пятьдесят рублей, подарил старое пальто и проводил до трассы, до одинокой автобусной остановки.

Вскоре к ней ленно приковылял автобус, двигаясь по неровностям на трассе, как по волнам.

Я села среди шуршащих пакетами бабушек, а водитель — молодой парень, зачем-то врубил фонк, и бабушки начали кивать головой из-за тряски машины в такт биту.

Я тоже закивала.

Больше возвращаться в лес не стану.

БАЛАДЖАН ДЖУККАЕВА (КЧР)

ВРЕМЯ КРЫС

Алый закат медленно стекал за горизонт, оставляя тут и там прощальные блики.

– После наступит тьма, после наступит тьма, – прорывался гул из толщи земли.

Тьма никогда не наступает постепенно. Когда приходит ее час, она прожорливо поглощает все на своем пути и, заботливо покрывая черные дела своих подданных, провозглашает безмолвное царствие.

– Эта ночь наступила! Время пришло! – прокричал крысиный глашатай.

Бесчисленные полчища крыс, словно единый смертоносный поток, повинувшись общему инстинкту, отправились на тайную сходку, которая проходила в этот раз на двадцатые сутки крысиного календаря, близ одного из заброшенных храмов языческой богини Карни-Мата.

Собрались представители колоний со всех концов земли, некоторые из которых добирались до заветного события больше нескольких месяцев. Около миллиона, сгинувших в пути и миллиарда сумевших дойти до конца, но ради чего? А все ради того, чтобы услышать решение Великой двадцатки, состоящей из крысиной элиты, которую уже третье поколение возглавляла белая лабораторная крыса Шива.

Шива была крысой, которой пророчили все изменить.

Согласно древней легенде, белая крыса, сбжавшая из-под гнета людей, перевернет крысиную историю, и больше им не придется прятаться и скрываться. Наступит новый порядок, новая крысиная эра.

Большинство хвостатых ученых считали, что это событие должно произойти именно сегодня. А ведь всем известно, что крысы редко ошибаются. Крысиный мир жаждал крови, он жаждал масштабной мести, а сама Шива и вся ее очень длинная, по крысиным меркам, жизнь являлась символом наступающих перемен.

Она родилась и выросла в лаборатории, где люди, как это заведено, проводили секретные опыты. Они пытались из самой живучей, приспособливающейся твари на земле, сделать совершенно новый вид существ, отличающийся не только физической выносливостью, но и умением выполнять самые сложные задачи, в том числе разведывательного характера.

Испытания шли успешно. Часть крыс гибла, но самые сильные особи давали ошеломительные результаты. Всего за пару лет крысы приобрели такой набор навыков, которого другие виды не смогли бы достичь за несколько тысяч лет. Крысы стали выносливее своих собратьев минимум в четыре раза. Они могли не только распознавать человеческие команды, но и анализировать значения слов, выявлять причинно-следственные связи сложных явлений, распознавать все виды человеческих эмоций и выполнять более пятидесяти сложных инструкций, в том числе стратегического характера. Это были просто немыслимые результаты.

Однако из-за новых внутригосударственных обстоятельств опыты было необходимо приостановить, а подопытных крыс ликвидировать. Шива по неизвестным причинам была выпущена

на свободу.

Знавшему правду ассистенту ученый сообщил, что крыса стерилизована, и в диких условиях, несмотря на широкий набор навыков, долго не протянет. Но Шива не просто выжила, а смогла забраться на самую высшую ступень иерархии крысиного общества, став не только его главарем, но и объектом поклонения.

— Милый Тер, — обратилась Шива к толстому черному крысу из двадцатки, с неестественно большими ушами и узковатой приплюснутой мордой, — в канализации только и делают, что говорят о твоей мудрости. Так вот, скажи, почему самый ненавистный для людской расы вид — крыса, не только не погибает, но и процветает по всей земле, несмотря на все попытки уничтожения?

— Осторожность, всеядность, плодовитость, вот три главные причины. К тому же мы, как минимум в несколько раз умнее обожаемых ими котов, — самодовольно парировал толстый крыс, но тут же был прерван.

— Нет, — с ухмылкой произнесла Шива и, повернувшись, обратилась к утонченной серой крысе с неестественно вытянутым телом и немного горбатым профилем. — А у тебя, моя подруга? У тебя припасен ответ на этот вопрос?

— Великая Ши, я боюсь разбрасываться пустыми предположениями, но мне кажется, что люди просто еще за нас плотно не взялись, а как только...

— Да, ты права, лучше умолкни, — резко перебила ее Шива. — Ты всегда мыслила очень плоско.

В этот момент в разговор, не выдержав, вмешался бесхвостый Ка, тоже член двадцатки и по совместительству, давний идеологический враг Шивы. Его морда почти всегда выражала недовольство, а дьявольская жестокость была предметом легенд. Его боялись все, все кроме Шивы.

— Мы собрались тут не для того, чтобы рассуждать почему и зачем, Шива! Я конечно понимаю. Из-за того, что люди в свое

время нарастили тебе мозгов, ты теперь считаешь себя богиней, а всех окружающих тупыми мышами, — его глаза приобрели черный блеск, а морда озлобилась еще сильнее. — Так вот, Шива, вокруг тебя сейчас миллиард крыс, оставивших свои гнезда и самок с крысятами, преодолевших огромные расстояния для того, чтобы свершилось знамение, для того чтобы ты смогла навсегда изменить положение крыс во всем мире.

Подойдя к ней ближе, Ка полушепотом добавил:

— Только поэтому, Шива, ты до сих пор жива.

— Не сбывься знамению! — будто не слыша ненавистного Ка, провозгласила она во всеуслышание. — Как может что-то вообще сбывься у существ, которые до конца не понимают собственную роль в этом мире?!

Сделав небольшую паузу, Шива продолжила:

— Вот ты, Ка, почти всю свою жизнь, после того, как проказники мальчишки спалили тебе хвост, борешься с родом человеческим, — она снисходительно улынулась и без страха посмотрела в глаза уже неистово озлобившегося Ка. — Ооо да, я знаю о ваших делишках, о том, как твой отряд полумрачных мстителей ежегодно убивает человеческих младенцев, заражает больницы и фабрики неизлечимыми болезнями. Но все это мелкие пакости. Известно ли тебе, Ка, кто такой человек на самом деле? Можешь ли ты мне ответить, почему он до сих пор не смог нас истребить?

При других обстоятельствах Ка давно бы набросился на обидчика, не оставив на нем живого места, но Шива была неприкасаемой. Преодолев настигнувший его гнев, он, насколько это было возможно, спокойно произнес:

— Может, ты перестанешь нас томить и сама ответишь на эту бессмысленную чушь?

— Спасибо, мой бесхвостый друг, именно это я и хотела от тебя услышать. Мой народ, сегодня мне исполнилось семь лет. Не слишком ли много для крысы? Сколько проживает большин-

ство из вас: год, два года? И это, если кому повезет. Я ведь живу столько, только благодаря человеку. А все вы? Все? Чем вы питаетесь, где устроили себе жилища? На ком мы все паразитируем? Кому мы всем обязаны?

Ответ напрашивался сам собой, но он никого не устраивал. Вначале поднялся гул, затем крысы начали метаться и топтать друг друга. Крысиный народ требовал развязки, требовал исполнения пророчества.

Тут в разговор вмешался еще один представитель двадцатки, молчаливый крыс бурого цвета по имени Эбо:

– Шива, по-твоему, мы собрались здесь для того, чтобы чувствовать человека? В пророчестве не говорилось, что все изменит старая безумная крыса!

После этих слов гул стал еще сильнее. Писк и стоны собравшихся со всего света голодных крыс нарастали с каждой секундой. Те, что оказались безнравственнее и сильнее, начали во всеобщей суете пожирать обессилевших. Началось невероятное месиво.

Поймав всеобщую волну хаоса и гнева, Ка злобно выкрикнул:

– Эта крыса на стороне людей, она замышляет погубить нас!

Крысиный бунт приобрел новую силу, и пришел черед крысиной элиты. Десять крыс двадцатки, с налитыми кровью глазами, окружили старую белую крысу.

Но в глазах Шивы не было страха. Она залилась неистовым смехом, на который способны лишь крысы и люди. Она смеялась до самых последних секунд своей жизни, а разъяренная толпа продолжала убивать, продолжала утолять жажду крови.

К утру не было двадцатки, и не было ни одной целой крысы. Только ошмётки тел, полумертвые туши и, собравшиеся добить остатки крысиной армии, люди.

После этого дня крысиный мир больше не будет прежним. Древнее пророчество осуществилось. Слава Шиве — богине смеющихся крыс.

МАГОМЕТОВ ЭРИК (КЧР)

ОТЩЕПЕНЕЦ

Я держал в руках смартфон и смотрел на её новые фотографии, я и прежде любовался её фотками, но теперь на них она была не одна. Морок рассеялся. Как и раньше, я обожал её улыбку и её мечтательный взгляд, но теперь она улыбается другому и смотрит на него так, как я хотел, чтобы она смотрела на меня. Я же не мог смотреть на него даже на фото. И не потому что он уродец или что-то вроде этого. Нет. Он был хорош собой, интеллигентного вида, образованный, обеспеченный. Будь я её братом, я бы даже порадовался за неё. Но я не её брат.

На фотографиях они уже посватаны, и некоторые их родственники уже знакомы друг с другом. Все знали, что дело движется к свадьбе. Я же держал в руках смартфон, а в другой руке я держал револьвер. Кольт.

Я смотрел в зеркало. У меня были влажные глаза, но мне не хотелось плакать. У меня был камень на душе. Я тёр дулом револьвера свой висок и хотел выковырять этот камень. Но я не мог.

Иногда хочется не думать о последствиях. Почти у всего на свете плохие последствия. Даже у жизни последствие, лишь смерть. А когда ты отщепенец и не можешь встроиться в мир, ты пожинаяешь это — просто смотреть на то, как всё уходит в чужие руки. Просто сидеть и смотреть. До следующего раза, пока твоё больное сознание не нарисует новые мечты и иллюзии. И так

по кругу. Когда начинаешь понимать свою клетку, свои круги, свои циклы, в которые ты включён, тебе хочется это изменить. Но ты не знаешь как. Человек не должен жить в клетке. И тебе надо что-то разрушить. Желательно себя.

Ты садишься за стол и пишешь письмо человеку, который поймёт:

«Дорогой друг! Пишу тебе письмо от руки, так как знаю, пока оно дойдёт до тебя, моё дело будет уже сделано, и ты не сможешь мне помешать или остановить. А зная тебя и твою неоправданную любовь к людям, уверен, ты бы непременно меня остановил. Я же не люблю людей, как и они меня, но я испытываю чувства к одной девушке. Ты её не знаешь, я никому раньше не говорил о ней. В моей жизни было много любви, симпатий и увлечений, но никогда раньше я не испытывал этого чувства... чувства родства с человеком. Мне кажется большинство людей не знает, что это за чувство – родство. Если знают, то почему они молчат об этом? Или может когда ты – отщепенец, тебе не доступно то, что доступно людям? И то, что для тебя – открытие, для других – это повседневная обыденность? Как бы там ни было, она не разделяла со мной мыслей о нашем родстве, а то что было в прошлом до неё – всё пошло и противно. Без неё мне не хочется жить так, как раньше. Пророк учил нас не подходить к женщине, если она засватана за другого, но мне хочется, чтобы этого другого не было на свете, как я ему завидую. Никогда бы не подумал, что буду понимать Каина, как родного. Его зависть и ненависть. Но я понимаю. И сегодня мне необходимо этого другого убить. Но пишу я тебе не для сочувствия или понимания. Ты знаешь, у меня есть кошка и собака. Я надеюсь, ты их заберешь себе, а если не сможешь, то пристрой их в добрые руки, с обязательными фотоотчётами. Только не отдавай их в приют, я не хочу, чтобы они сидели в клетке. Под матрасом ты найдёшь определенную сумму денег, я их снял с карточки для твоего удобства. Раздай их на благие дела по своему усмотрению. Ты был хорошим другом. Прощай»

Я шёл по улице очень быстрым шагом. Мне хотелось поскорее добраться до его места работы и решить свой вопрос. Как вдруг я за своей спиной услышал:

– Али. Али постой, – кричал мне мой сосед.

Меньше всего мне хотелось видеть сейчас кого-либо и на что-либо отвлекаться. Последний человек, которого хочется видеть, в возможно последний день своей жизни – это твой пожилой сосед с усами советского человека, небольшим пузом, военным прошлым и полной уверенностью в том, как следует проживать эту жизнь всем вокруг. Возможно это правильное мировоззрение или, по крайней мере, полезное – знать, как жить. Но мне пока оно не доступно.

Я остановился. Он нагнал меня бодрым шагом. Источая оптимизм, он попросил пройти к нему домой и помочь перетащить некоторые вещи со двора в дом. Мне было совсем не до него. Я хотел попасть на работу к Аслану, в перерыв с часа до двух, и всадить в него пулю, пока нет других людей. Теперь я иду вместе со своим соседом к нему домой, потому что не могу отказать старшим в их просьбе.

Мы вынесли старую мебель из дома, собирались внести новую. Но почему-то сосед решил, что ему нужно присесть на новый диван прямо на улице и отдохнуть. Он крикнул своей племяннице, чтобы она принесла воды. Я же смотрел на часы, давая понять, что спешу. Со стаканом воды вышла племянница. Ей было около тридцати: стройная, с пухлыми губами и нарисованными бровями, в черном платье и косынкой, повязанной назад. Она мельком взглянула на меня. Я почувствовал её заинтересованность. Сосед тоже это почувствовал и завёл пластинку, которую я слышал уже тысячу раз от тысячи разных людей:

– Почему ты до сих пор не женат? Смотри вокруг сколько красивых, молодых.

Я не знал что ему ответить. Когда-то я воспринимал такие вопросы с юмором, потом юмор сменился чувством неуместности подобных вопросов, теперь же я и сам не понимаю своей природы, которая зацикливается на одной.

Мы снова принялись за работу. Поднимаясь по лестнице, при резком движении, я выронил револьвер. Сосед увидел его, девушка тоже. Повисла неловкая пауза.

— Это игрушечный, для брата, — не знаю кого я пытался обмануть?

Я подобрал револьвер. Почему-то мне стало очень стыдно, и я захотел уйти.

— Я лучше пойду, — произнёс я, выходя за дверь.

— Доброго тебе дня! — крикнул сосед мне вслед.

В его голосе я услышал разочарование.

И вот я внутри многоэтажного здания. Я стою напротив его кабинета. Надпись: «Турагенство». Стоит ли зайти и сразу выстрелить? Или может поговорить сначала? О чём? Есть ли там вообще кто-нибудь?

Я приоткрываю дверь и заглядываю. Внутри кабинета стоит молодая девушка. Она одна. Её мелированные волосы распущены, губы накрашены красновато-розовой помадой, под цвет жакета и юбки. Она выглядит счастливой. Наверное, так и должен выглядеть клиент турагенства. Я захожу внутрь.

— Здравствуйте, меня зовут Фарида. Чем я могу вам помочь? — спрашивает она.

— В каком смысле, чем вы можете мне помочь? Разве это не кабинет Аслана? — отвечаю немного растерянно.

— Да, вы правы. Это наша семейная фирма, наше турагенство предоставляет свои усл...

— Подождите, подождите, — перебиваю я её, — Что значит семейное? Вы ему кто?

— Я его сестра. А вы ему кто? — переспрашивает она.

– Ааа, ммм... Хороший вопрос, – выдавливаю из себя улыбку. Не думал, что я это сделаю на глазах его сестры.

– Ну пока вы о себе рассказываете, может чайку? Посмотрите наши брошюры, я вам расскажу о популярных направлениях.

– А когда Аслан вернётся? – полюбопытствовал я.

– С минуты на минуту.

– Ну тогда давайте чайку.

Она принялась заваривать чай, попутно рассказывая забавные истории своих клиентов. Её природная наивность и доверчивость не позволяла увидеть во мне опасность. Более того, в моём напряженном молчании она находила что-то весёлое и притягательное. Весёлых людей всегда трудно понять. Но с ними хотя бы интересно.

Я допивал чай, Фарида всё так же смеялась над своими историями. Открылась дверь, и вошёл Аслан. Он был в костюме и выглядел довольным после обеда. У меня внутри всё сжалось от негодования. Я видел его вживую впервые в жизни. Я смотрел на него так пристально, будто пытался понять, что в нём есть такого, чего нет во мне? И не находил ничего, кроме своего превосходства.

– Аслан, этот молодой человек к тебе – сказала Фарида.

Я чувствовал, что Фарида, как живая амбразура, между мной и смертельным исходом Аслана. Я встал с места и резкими шагами пошёл к выходу.

– Приходите ещё, – сказала Фарида мне вслед.

Я остановился у двери и медленно достал свой револьвер.

– Я слышал у вас скоро свадьба? – приглушенно спросил я.

– Да, вы правы – немного в смятении ответил Аслан.

Я развернулся и подошёл вплотную к нему.

— Это револьвер. Кольт. Он выглядит как раритетный, но он настоящий, — я вложил кольт ему в ладонь, — считайте это моим свадебным подарком.

Я развернулся и ушёл. Через несколько дней я вернулся, но уже к Фариде. За новым миражом?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Выражаем вам свою признательность за то, что дочитали книгу до конца! Надеемся, что вы не зря потратили время на чтение и открыли для себя новых интересных авторов. На этом мы с вами не прощаемся.

Команда проекта планирует продолжить работу при поддержке партнёров.

До новых встреч, новых авторов и новых произведений, ещё более увлекательных!

*С уважением. Команда проекта «Пиши
не в стол!»*

ОГЛАВЛЕНИЕ

О сборнике	4
Марияна Османова	6
Покинутый	6
«Навала бы тебя искусством...»	7
Город	7
Карданова Алёна	8
«Ты рождаешься быть счастливой!..»	8
«Если ветер в лицо ...»	9
Карина Жилова	10
Уродство не в шрамах	10
О щедрости любит беседовать скряга	11
Карпенко Елена	12
Японский сонет	12
Прощание с летом (триолет)	12
Друзья, не уходите	13
Илья Киреев	14
«Чувства подвергнуты пытке...»	14
Душа моя уже сложила крылья...	15
Ангел Страстей	16
Лариса Шарипова-Рогошова	17
Дождь	17
«Там изредка проносится маршрутка...»	17
Инал Мирзоев	19
Пророки	19
Яха Хатуева	21
За каменными плитами	21
Лунный танец в Бетли	21
Елена Пшегодская (Гетманова)	23
Поэт	23
Анне Ахматовой	24
Саксофон	24
Хасанова Джамиля	25
Письмо	25

На земле	26
Заговор	26
Гожева Марина	28
Абазия	28
Руслан Охтов	29
Минерва	29
Лейла Чотчаева	31
Закрылась изнутри	31
Мадина Хатукаева	32
«Вырви у города шумный вздох...»	32
Черняева Евгения	33
Грусть-тоска-да-печаль	33
Роман Петля	35
Точка	35
Халимат Гергокова	36
Он и Она	36
Александр Карапац	38
Путешествие в Арзрум	38
Динара Оразбекова	41
Сайгачонок	41
Ася Байрамукова	45
Серафима Ивановна	45
Ахмедхан Зирихгеран	49
По разные стороны	49
Медина Нахушева	53
Лес	53
1 часть	53
2 часть	54
3 часть	55
Баладжан Джуккаева	57
Время крыс	57
Магометов Эрик	63
Отщепенец	63
Послесловие	69

Пиши не в стол

– Привет! Ты всё ещё пишешь? Выпустил свою книгу?
– Нет... Пишу «в стол»...

Грустная история и далеко не редкая. А вот у участников нашего проекта совсем другая история. История обучения в школе литературного наставничества для начинающих писателей СКФО – «Пиши не в стол!» с выпуском итогового печатного сборника. Этот сборник вы держите сейчас в руках!

В него вошли поэтические и прозаические произведения начинающих авторов СКФО.

Но, несмотря на то, что авторы начинающие, представленные стихи и рассказы достойны читательского внимания и, несомненно, вас заинтересуют!

Стихи о любви, философские стихи, пейзажная лирика, мистические и фантастические рассказы, рассказы о любви и не только...
Желаем приятного чтения!

ISBN 978-5-0053-0327-1

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!